Б. С. Ляпустин

ЭВОЛЮЦИЯ ПРИГОРОДНОГО ПОМЕСТЬЯ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ РЕСПУБЛИКИ (ПО ТРАКТАТАМ КАТОНА И ВАРРОНА)

В статье показано, как пригородное поместье, описанное Катонем и Варроном, за полтора века существования прошло большой путь развития. Несмотря на высокий уровень доходности у Катона, хозяйствовавшего на принципах бережливости, оно не соответствовало идеальному поместью. А во времена Варрона, когда появились новые высокодоходные отрасли производства, пригородное поместье для политической элиты в первую очередь стало местом для *otium* и демонстрации своего социального статуса.

Ключевые слова: Катон, Варрон, древнеримская экономика, пригородное поместье (*suburbanum*), *villaticae pastiones*, *hortus*, *otium*.

В эпоху Поздней республики в древнем Риме сложился особый тип сельского поместья – пригородное хозяйство (*suburbanum*). Его описание дошло до нас в трактатах ученых земледельцев того времени – Катона и Варрона. Исследователи экономики древнего Рима, как отечественные, так и зарубежные, подходя к классификации возникших в это время различного вида имений прежде всего с позиций товарности хозяйства, относят описанные упомянутыми авторами пригородные поместья к одному типу¹. Главным критерием при этом выступает уровень связей с рынком и возможность получения высоких доходов за счет продажи выращенной продукции в находящемся поблизости городе. Такая классификация на первый взгляд выглядит убедительной и обоснованной, поскольку опирается на прямые высказывания ученых земледельцев². Однако при детальном прочтении их трактатов становятся заметными различия в подходах Катона и Варрона к оценке *suburbanum* и в принципах хозяйствования в нем, что порождает сомнения в универсальности предлагаемого критерия. Поэтому представляется необходимым внимательно рассмотреть, какой путь прошло в своем развитии пригородное поместье в эпоху Поздней республики и в чем были схожи, а в чем различались между собой *suburbana*, описанные Катонем и Варроном.

Действительно, Варрон в III книге своего сочинения прямо заявляет, что разведение домашней живности в пригородном поместье (*villaticae pastiones*) заведено, как и два других направления сельского хозяйства – земледелие и скотоводство, которым посвящены первые две книги трактата, – «дохода ради» (*fructus causa* – III. 1. 9.). И такая усадьба может приносить немалый доход³. Исследователи Варрона справедливо отмечают, что в своем сочинении он стремится дать рекомендации по организации развитого товарного производства с целью получения максимально

Ляпустин Борис Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО (У) МИД РФ.

¹ Сергеевко 1958, 93–146, 150–160; Кузицин 1973, 133–149; Dohr 1965, 69–71.

² См. Кузицин 1973, 133.

³ *Varr. RR. III. 2. 10: villa, in qua propter pastiones fructus capiuntur magni.*

высокого денежного дохода. Подобный подход к ведению пригородного хозяйства они видят и у Катона, описавшего пригородное поместье в 7 и 8 главах. Поэтому его совет, как следует возделывать такое имение – *uti quam sollertissimum habeat*, – переводится исходя из представлений о вовлеченности сельскохозяйственного поместья в развитые товарно-денежные отношения: «чтобы оно было как можно прибыльнее»⁴. Однако, на наш взгляд, в этой фразе Катон лишь рекомендует возделывать поместье «как можно искуснее», и прямого призыва подобного вароновскому к получению максимального дохода в этой фразе нет.

Попробуем разобраться, чем вызвано это имеющее длительную традицию понимание текста античного агронома⁵. Несомненно, исследователи учитывали и контекст сочинения Катона, и хозяйственную практику самого автора. А он уже в начале 7 главы указывает, что из пригородного имения хозяину можно продавать не только выращенную продукцию, но и дрова, и хворост (7. 1). Кроме того, как известно, сам Катон несмотря на призывы быть «хорошим земледельцем и хорошим хозяином»⁶ в конце жизни ради денег не гнушался заниматься сомнительными операциями (Plut. Cat. Mai. 21). М.Е. Сергеенко специально останавливается на этом противоречии в словах и делах ученого земледельца⁷. Все это наложило отпечаток на представление о личности Катона, который на страницах трактата предстает, по оценке В.И. Кузищина, как «ловкий прожженный делец-предприниматель, заботящийся прежде всего о прибыли»⁸. Такая готовность увидеть в любых высказываниях Катона погоню за прибылью была обусловлена точкой зрения на римскую экономику эпохи Поздней республики как на высокотоварную (либо капиталистическую, либо рабовладельческую) и стремлением найти как можно больше свидетельств, подтверждающих эту позицию. Такой подход историков, которые оперировали категориями, заимствованными из анализа капиталистического производства, и невольно уделяли преувеличенное внимание развитию товарно-денежных отношений, как отметила в одной из последних работ Е.М. Штаерман, порождал в отечественной науке «бессознательную модернизацию»⁹ при исследовании античной экономики, а следовательно, и искажал реальную картину.

Попробуем понять, какой же смысл мог вкладывать Катон в свои слова при характеристике пригородного хозяйства. Для реконструкции его взглядов прежде всего необходимо учитывать время составления «Земледелия». Единого мнения на счет в науке нет, хотя доминирует представление, что трактат был написан в середине II в. до н.э.¹⁰ Однако, на наш взгляд, наиболее аргументированной выглядит точка зрения В.И. Кузищина, которой мы и будем следовать, и поэтому рассмотрим ее подробнее. Прежде всего, историк вслед за Плутархом выделяет в жизни Катона два этапа. В молодости он активно занимался обустройством поместий, и

⁴ Этот перевод М.Е. Сергеенко (Катон 1950, 15) полностью поддерживает В.И. Кузищин (1973, 133). Ср. ее же перевод в издании под редакцией М.И. Бурского (1937): «чтобы оно было наиболее выгодным» (с. 94). *Cat. De agr. 8. 2: fundum urbanum, et qui eum fundum solum habebit, ita parat itaque conserat, uti quam sollertissimum habeat.*

⁵ Ср. «damit es den größten Nutzen bringt» (Maróti 1985, 43; ср. Dohr 1965, 67).

⁶ *Cat. De agr. Praef. 2–3: uirum bonum quom laudabant, ita laudabant: bonum agricolam bonumque colonum; amplissime laudari existimabatur qui ita laudabatur.*

⁷ Сергеенко 1976, 157–158; 1950, 124. Ср. Кузищин 1966, 61.

⁸ Кузищин 1966, 61; ср. Marccone 1997, 20–21.

⁹ Штаерман 1987, 39.

¹⁰ О различных точках зрения на датировку «Земледелия» Катона (с подробной библиографией) см. Кузищин 1966, 54.

«в ту пору у него было только два источника дохода – земледелие и бережливость» (Plut. Cato Mai. 25), а на втором этапе «сельские работы доставляли ему приятное времяпрепровождение», доход же он стал получать от различных торговых и финансовых операций порой сомнительного свойства (ibid. 21). Это свидетельствует об эволюции в хозяйственном мировоззрении Катона – отношении к земледелию как к основному источнику дохода сменилось отношением к нему как к занятию, преследующему иные цели. Кузищин справедливо отмечает, «что дух, идеи, характер трактата соответствуют не тому времени, когда Катон считал уже деревню местом отдыха и развлечения, но первому этапу жизни Катона, когда земледелие было для него важнейшим источником дохода»¹¹.

Далее В.И. Кузищин приводит в пользу своей точки зрения развернутую систему доказательств. Факты, собранные из различных источников, позволили ему убедительно отнести написание *De agricultura* к первому этапу жизни автора. Исследователь считает, что трактат был создан в короткий отрезок времени непосредственно после возвращения Катона из Греции в 191 г., но до 187 г. до н.э., когда начали чеканить денарии, о которых, однако, в трактате нет ни одного упоминания¹². Именно тогда, на рубеже III–II вв. до н.э. в Италии получают распространение сельские виллы классического типа¹³, и перед владельцами поместий встает вопрос, как их обустроить наилучшим образом. В этой ситуации Катон после окончания Ганнибаловой войны, ознакомившись с передовыми сельскохозяйственными знаниями пунийцев и греков и накопив личный богатый практический опыт, сумел в кратчайший срок наладить оптимальные формы функционирования собственных имений. Результаты своей деятельности он и изложил в трактате, предназначенном для современников, которые в хозяйственной практике шли тем же путем и остро нуждались в советах подобного рода. В этот период Катон еще считал возможным получение достаточно высокого дохода от земледельческой деятельности.

Кроме того, как подчеркнул В.И. Кузищин, честолюбивый Катон, опубликовав трактат, преследовал еще и цель завоевания политической популярности и славы, которая ему была нужна в начале 180-х годов, когда он готовился к выборам на должность цензора¹⁴. Поэтому трактат «О сельском хозяйстве» базировался помимо собственного опыта автора также и на заветах предков¹⁵. Эти выводы исследователя весьма значимы для понимания места пригородного хозяйства в воззрениях Катона. Однако В.И. Кузищин, акцентируя внимание на товарном производстве в катоновских поместьях, оставил без внимания бережливость упомянутую Плутархом наряду с земледелием как источник дохода. Представляется, что этот момент также важен для понимания смысла рекомендаций ученого земледельца.

В этот период бережливость действительно предстает одной из главных черт образа жизни Катона. Об этом свидетельствует развернувшаяся в римском обществе вскоре после окончания Ганнибаловой войны знаменитая борьба за отмену закона

¹¹ Кузищин 1966, 55–56.

¹² Кузищин 1966, 64.

¹³ Конечно, в Италии в III в. до н.э. существовали немногочисленные крупные поместья, но появление товарной виллы относится именно к рубежу III–II вв. до н.э. (Кузищин 1973, 53–56; ср. Marcone 1997, 131–133). Археологические исследования фиксируют распространение классических рабовладельческих вилл с начала I в. до н.э. (Carandini 1988, 45–48, 225–234; Rosenstein 2008, 7–8).

¹⁴ Кузищин 1966, 65.

¹⁵ Кузищин 1966, 63.

Оппия о роскоши, красочно описанная Ливием¹⁶. Этот закон был принят в 215 г. до н.э., после катастрофического поражения римских легионов у Канн, когда для победы над грозным противником была необходима мобилизация всех ресурсов римского общества и жесткая экономия материальных средств каждой фамилии. По предложению Оппия были запрещены траты домовладык на женские украшения, дорогие разноцветные одежды и повозки (Liv. 34. 1. 3). Но после победы над Карфагеном, когда потребность в столь суровых ограничениях отпала, плебейские трибуны Марк Фуфидий и Луций Валерий в 195 г. до н.э. выступили с предложением об отмене закона против роскоши. Против этой инициативы трибунов с яркой речью выступил Марк Порций Катон, исполнявший в то время консульскую магистратуру. В своей речи он обрушился с обличениями на расточительность как на один из пороков, который подтачивает государство. Он призывал сограждан следовать нормам предков и руководствоваться принципами воздержанности, укоряя своих оппонентов, что «самый отвратительный стыд, когда стыдятся бережливости и бедности» (Liv. 34. 4. 13).

Хотя Катон в этой борьбе потерпел поражение, и закон Оппия был отменен, однако свои взгляды и принципы, тесно связанные с идеей бережливости, он последовательно и бескомпромиссно провел в жизнь во время цензорства в 184 г. до н.э. Под давлением Катона было принято решение, чтобы предметы роскоши стоимостью свыше полутора тысяч денариев оценивались в десять раз дороже, что влекло уплату римлянами с имущества, оцененного значительно дороже реальной стоимости, несравненно больших податей (Plut. Cat. mai. 18). По мнению сурового цензора, эти меры должны были заставить граждан добровольно расстаться с роскошью, а средства вкладывать в обустройство поместий, которые были не столь броскими, как роскошь в одежде и украшениях, но выступали более внятным символом высокого статуса.

В духе своих представлений о достойном образе жизни и деятельности домохозяйки Катон дает советы хозяину виллы в его управлении земельной собственностью фамилии. Исходя из личного опыта он утверждает, что хозяин поместья «должен быть скор на продажу, а не на покупку»¹⁷. Строгая бережливость соблюдается при управлении сельской виллой: деньгами следует дорожить, расходовать их рачительно, после тщательных подсчетов. Доход Катон рекомендует получать не в погоне за прибылью, а путем сведения до минимума ненужных расходов¹⁸.

Эти же взгляды лежат и в основе так называемой шкалы доходности имения как важной черты идеального поместья. Катон перечисляет участки, занятые определенными культурами, в следующем порядке: «Во-первых, с виноградником, если вино хорошее и если вина много; во-вторых, с поливным огородом; в-третьих, с ивняком; в-четвертых, с масличным садом; в-пятых, с лугом; в-шестых, с хлебной нивой; в-седьмых, с лесом, где можно резать листья на корм скоту; в-восьмых с виноградником, где лозы вьются по деревьям; в-девятых, лес с деревьями, дающий желуди¹⁹». Этот отрывок уже Варон (RR. I. 7. 9) и Плиний (NH. 16. 176) воспринимали как шкалу доходности, недоумевая, как Катон мог ивовую лозу по доходности поставить на третье место, впереди масличного сада, хлебного поля

¹⁶ Liv. 34. 1–8. 3. О значении закона Оппия против роскоши в контексте древнеримской экономики более подробно см. Ляпустин 1991, 50–62; 2011, 173–177. Подробно о различных точках зрения на сущность этого закона см. Квашнин 2006, 28–49, 71–93.

¹⁷ Cat. De agr. 2. 7: patrem familias vendacem, non emacem esse oportet.

¹⁸ Сергеевко 1970, 6–8.

¹⁹ Cat. De agr. 1. 7; пер. М.Е. Сергеевко.

и луга. Возникшую проблему М.Е. Сергеенко пыталась снять утверждением, что хозяйственные отрасли в поместье Катонем перечислены в том порядке, в каком они приходили ему в голову²⁰. Однако эти неувязки не следует воспринимать как небрежность автора. В описании оборудования имения он все тщательно и скрупулезно просчитывает.

Если при рассмотрении вопроса отталкиваться от его взглядов на ведение фамильного хозяйства, то становится ясно, что данный пассаж написан отнюдь не для того, чтобы показать, на чем домовладыка может заработать больше денег. Как отметил В.М. Смирин, здесь указывается, какие отрасли в имении дают наибольшую экономию и позволяют избежать лишних трат²¹. С этой точки зрения рекомендации Катона идеальны. Расположение ивняка сразу после виноградника и огорода не случайно, так как в данном пассаже дана шкала основных и вспомогательных отраслей, при помощи которых владелец поместья может собрать, сохранить и переработать урожай с наименьшими потерями.

Рассмотрим, как Катон в 11 главе рекомендует оборудовать 100-югерное поместье с виноградником. Уже в начале главы среди шестнадцати необходимых членов персонала упомянут человек, который специально смотрит за участком, засаженным ивой (11. 1). А далее, после указания на необходимое количество доливов для виноградного вина и хлеба, сразу же идет перечисление дополнительного оборудования из лозы, чтобы сохранить изготовленное вино: три фильтра, сплетенных из ивовых веток, столько же шумовок, чтобы снимать плесень с вина (11. 2), и три плетеных корзины для винного осадка (11. 4). Кроме того, для работ по удобрению почвы в имении были необходимы четыре навозных плетенки из лозы, из прутьев наверняка был сделан и сам навозный короб (11. 4). Наконец, в хозяйстве нужны были двадцать особо прочных америйских корзин для сбора урожая и два больших корыта, в которых носили виноград в давилню, да еще сорок корзин, использовавшихся при посадке различных культур (11. 5). Катон не оставил описания оборудования для огорода, но, несомненно, для сбора и транспортировки зелени и овощей также широко использовали корзины и плетенки различных видов. Все это и изготавливал тот, кто следил за ивняком в поместье. Данное дополнительное оборудование органично входило в виноградарское и овощеводческое хозяйство. Своя лоза позволяла не только собрать, транспортировать, переработать и сохранить выращенный урожай, но и не тратить денег на то, что можно было изготовить силами рабской фамилии. Поэтому лозняк следует рассматривать не как самостоятельную товарную отрасль производства на вилле, а как важную и обязательную часть поместья, которая позволяла бережливо вести хозяйство.

Кроме того, наличие основных сельскохозяйственных отраслей обеспечивало продуктами питания персонал поместья, домовладыку и его городскую фамилию. Катон прямо заявляет, что хозяин не только без труда продаст продукцию и дрова, полученные с *arbustum*, в городе, но и сам сможет использовать их для своих нужд²². Виноградник дает много вина самого различного качества, как для дневного пайка работников, так и для хозяина. Этим же целям служит и поливной огород, способный приносить несколько обильных урожаев овощей в год. Масличный сад

²⁰ Сергеенко 1950, 126.

²¹ Эти выводы были сделаны В.М. Смириним в докладе «Несколько наблюдений над текстом Катона “Земледелие”» – см.: Научные чтения памяти С.Л. Утченко // ВДИ. 1989. № 4. С. 184–186. Однако ряд ученых придерживается точки зрения, что здесь Катон имел в виду именно получение дохода в денежной форме. См., например: Кузищин 1973, 65–70.

²² *Cat. De agr.* 7. 1: et domino erit, qui utatur.

обеспечивает необходимое количество оливок и масла в рационе питания фамилии. Луг нужен для выпаса скота, прежде всего для волов и овец. Без урожая с хлебного поля немислим ежедневный паек рабской фамилии. Листья из леса идут на корм овцам, из молока которых приготавливали сыр, в большом количестве потреблявшийся всеми слоями римского общества. Виноград, вьющийся по деревьям, дает лучшие сорта вин при минимальных затратах. И наконец, лес с желудями поставляет и корм для свиней, и материал для работ и поделок. Наличие такого набора отраслей позволяло владельцу значительно экономить свои деньги.

Если рядом есть еще и богатый город, судоходная река, море или торговый путь (Cat. De agr. 1. 3), то у домовладыки появляются идеальные условия при минимальных затратах обеспечить всем необходимым и поместье с работниками и скотом, и хозяина с домочадцами в городе. А коль скоро останутся излишки, при случае их можно будет выгодно продать. Таким образом, по представлению Катона, при таком наборе отраслей и в том порядке, в каком они перечислены, идеальное поместье позволяет вести рачительный и бережливый образ жизни в духе заветов предков и даже получать доход, который будет самым чистым и верным (ibid. Praef. 3). Таким образом, идея бережливости ради развития семейного хозяйства и расширения собственности не только отразилась в речах и делах Катона, но и положена в основу его трактата «Земледелие». Поэтому не случайно, что в трактате пригородному поместью уделено всего две главы. Оно мало вписывалось в экономические воззрения автора.

Это видно уже с первых строк 7 главы, где Катон заявляет, что пригородному поместью, у которого тесные связи с городским рынком, больше всего подойдет *arbustum*. Однако в так называемой шкале доходности идеального поместья (1. 7) он отводит винограднику, где лозы вьются по деревьям, лишь предпоследнее, 8-е место. Здесь мы видим явное противоречие, и возникает вопрос, как можно согласовать между собой одно и другое. Мароти, который видел в «шкале доходности» иерархию рентабельности отдельных отраслей хозяйства, специально остановился на данной проблеме. Он отверг предположение, что *arbustum* у Катона не мог означать виноградный сад, где лозы вьются по деревьям, так как подобный способ устройства виноградника еще не был известен в Италии²³: с таким способом выращивания винограда автор трактата мог познакомиться в Греции или в Карфагене. Ведь для Катона было характерно везде, где бы он ни был, на хозяйственную жизнь смотреть глазами крестьянина²⁴. Помимо аргументов Мароти, в пользу этой точки зрения свидетельствует и способ изложения материала автором. Катон всегда, когда писал об основной отрасли, следом сразу же упоминал и непосредственно связанную с ней вспомогательную: виноградник (*vinea*) и лозняк (1. 7), виноградный сад (*arbustum*) и дрова с хворостом (7. 1), которые появляются в избытке при постоянной обрезке деревьев²⁵, так как для получения высокого урожая нельзя было допускать, чтобы кисти винограда оказывались в тени²⁶.

Мароти считал, что разные места *vinea* и *arbustum* в «шкале доходности» связаны с тем, какой урожай от них получали²⁷. Он предложил видеть в упомянутом списке перечень поместий с указанием их специализации наподобие *forma sensualis*, при-

²³ Olck 1895, 422.

²⁴ Maróti 1985, 48.

²⁵ Сергеев 1955, 31.

²⁶ Plin. HN. XVII. 200; Maróti 1985, 48.

²⁷ Maróti 1985, 47.

веденной Ульпианом (D. 50. 15. 4pr.)²⁸. С этим можно было бы согласиться, если бы не присутствие на 3-м месте лозняка. По-видимому, все-таки надо признать, что пригородное поместье, прочно привязанное к запросам городского рынка, когда *arbustum* позволяло получать прибыль от продажи как продукции виноградарства, так и дров и хвороста (Cat. 7. 1), не соответствовало экономическим воззрениям, базировавшимся на идеалах *mos maiorum*, которые оказывали значительное влияние на характер изложения материала в трактате. Да и советовать согражданам, живущим по заветам предков, для идеального поместья практически не известный доселе способ выращивания винограда, заимствованный у побежденных врагов, было бы весьма неосмотрительно. Поэтому *arbustum*, при возделывании которого на римском рынке, кроме винограда и вина, в придачу еще можно продать и дрова, лучше всего подходит для пригородного участка. А в идеальном поместье, расположенном вне зоны *suburbium*, традиционный виноградник сразу же выходит на первый план.

В главах 7 и 8 обращает на себя внимание и то, в каких терминах автор описывает имение, обозначенное в 7. 1 как *fundus suburbanus*. В главе 8. 2 он говорит о хозяйстве, употребляя термин *sub urbe*, «под городом». А чуть ниже называет владение не подгородным, а городским – *fundus urbanus*. То, что Катон свое поместье считает то подгородным, то городским, весьма примечательно и указывает на местоположение этого участка. Дионисий Галикарнасский отмечал, что еще с эпохи царей со всех сторон вплотную к Риму примыкали многочисленные и обширные пригороды. Дома с сельскими участками вклинивались в территорию города, и невозможно было определить «до какого предела простирается город и откуда начинается загородная территория». Таким образом, город и сельская местность слились вместе и складывалось впечатление, что город тянется бесконечно (Dionys. IV. 13. 3–4). Этот пассаж выражал господствующее в массовом сознании представление римлян о ситуации, сложившейся в пригородной зоне, что и нашло отражение в терминологии Катона.

Исследование пригородов Рима имеет давнюю традицию. Антиковеды, занимающиеся экономической историей, отталкиваются от теории, сформулированной И. фон Тюненом еще в 1826 г. в книге «Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономике». Согласно ей, сельскохозяйственную территорию вокруг города можно условно разделить на несколько концентрических кругов. И существовала непосредственная зависимость между степенью удаленности земельного участка от города и набором возделываемых на нем сельскохозяйственных культур. Возле самого города располагались огороды и хозяйства, специализировавшиеся на производстве молока и молочных продуктов. Далее шли пахотные земли и пастбища для скота. Римская пригородная зона, как единодушно отмечают историки, является прекрасной иллюстрацией этой теории²⁹. Непосредственно к Риму примыкала зона огородов и садов, опоясывавшая город сплошной полосой.

В этой связи необходимо остановиться на толковании слова *hortus* у Катона (8. 2). В переводе М.Е. Сергеевко это – овощи: «Под городом сажай всяческие овощи...»³⁰. Однако в литературе существует и другая точка зрения, которую

²⁸ Maróti 1985, 41.

²⁹ Carandini 1988, 339–340; Kolendo 1994, 60; Morley 1996, 11.

³⁰ Катон 1950, 15; ср. перевод М.Е. Сергеевко в издании под редакцией М.И. Бурского (1937): «Под городом сделай так, чтобы разводились овощи всех видов...» (с. 126). Ср.

предложил П. Тильшер³¹ и аргументированно поддержал Э. Мароти³²: «sub urbe hortum» Катона следует понимать в смысле hortus suburbanus. Мароти показал, что hortus в значении «овощи» в древнеримских текстах употребляется лишь дважды: у Варрона (RR. I. 23. 6) и у Горация (Sat. II. 4. 16), и выразил сомнение, можно ли на основе этих примеров видеть у Катона в hortus также овощи. Мароти обращает внимание, что когда античные авторы цитируют Катона, то они употребляют hortus в значении «сад». Так, Варрон почти дословно следует за Катonom, отмечая, что весьма выгодно sub urbe colere hortos. М.Е. Сергеев и здесь переводит hortos как «овощи», хотя с последующим перечислением различных цветов гораздо лучше сочетаются «сады»³³. Наконец, наиболее важным аргументом в пользу того, что hortus у Катона означает «сад», предстает свидетельство Плиния Старшего, который прямо указывал, что Катон рекомендовал в садах сажать растения для венков³⁴. К этому можно еще добавить, что Катон подробно перечисляет и цветы, и растения, и плодовые деревья, которые следует сажать в саду, но ни разу не упоминает ни одного овощного растения, кроме спаржи в предпоследней, 161 главе трактата. Однако, напротив, в описании крестьянского хозяйства в Moretum³⁵ перечисляются практически все овощи, выращиваемые под Римом. Все это вместе взятое позволяет понимать под hortus именно «сад», а не «овощи».

Подобное подгородное владение, ориентированное на выращивание садово-огородных культур, не было явлением новым. Как сообщает Плиний Старший (NH. 19. 52), сады под Римом существовали издавна. Они располагались на небольших участках и принадлежали весьма небогатым людям, которые своими руками возделывали землю, выращивая зелень, овощи и цветы. Римский рынок, куда бедняки поставляли продукцию, был для них единственным источником средств существования. В римском обществе и прежде всего у представителей элиты сложилось определенное отношение к собственности, расположенной там, и это наложило отпечаток на различие и в объеме, и в содержании информации о пригородном поместье у обоих рассматриваемых нами авторов. В то время как Варрон посвятил suburbanum почти треть своего сочинения, у Катона речь о нем идет лишь в двух главах (7–8), а центральное место занимает villa rustica среднего размера. Такая диспропорция, как представляется, неслучайна. Столь малое внимание, уделяемое пригородному поместью ученым земледельцем, косвенно указывает на небольшое его значение в хозяйственной структуре знатной римской фамилии (у сенаторов и всадников) в начале II до н.э. Это было обусловлено представлениями высших социальных групп римского общества о приоритете mos maiorum в мотивации хозяйственной деятельности, о характере престижной собственности и достойных формах деятельности.

Трактат Катона прямо начинается с рассуждений о том, чем пристало заниматься достойному гражданину (vir bonus). Глава фамилии должен стремиться получать доход, однако не всякая деятельность достойна домовладыки. Он противопоставляет земледелию торговлю и ростовщичество. Торговля не привлекательна, а отдавать деньги в рост не почетно (Praef. 1). Глава фамилии должен стремиться быть

Кузищин 1973, 133. См. также Dohr 1965, 67.

³¹ Thielscher 1963, 44–45.

³² Maróti 1985, 42–43.

³³ Varr. RR. I. 16. 3: itaque sub urbe colere hortos late expedit, sic violaria ac rosaria, item multa quae urps recipit. Именно так понимает это место Е. Колендо (1994, 64).

³⁴ Plin. NH. 21. 1: in hortis seri et coronamenta iussit Cato.

³⁵ [Verg.] Moretum 71–89.

«хорошим землевладельцем и хорошим хозяином» (Praef. 2). Только такой род занятий давал доход самый чистый и самый верный. Во вступлении прямо прослеживаются антиростовщическая направленность и вера в возможность получения дохода за счет отлаженного поместного хозяйства. По представлению Катона, когда вскоре после окончания Ганнибаловой войны он писал этот трактат и начал заниматься активной хозяйственной практикой, при налаженной эксплуатации поместья среднего размера можно было получить солидный доход. И эти представления были, видимо, распространены в среде римской элиты того времени³⁶. Ранний Катон и Катон на старости лет – это люди с разными представлениями о формах и способах получения прибыли.

Определенные требования Катон предъявляет и к поместью, которое должно отражать престижный статус хозяина. Имение должно быть хорошим (*bonum praedium*) и располагаться в хорошей местности (1. 1–3). Подводя итог своим рассуждениям, он подчеркивает, что лучшее поместье (*praedium quod primum est*) – это поместье с разнообразными и лучшими почвами (*de omnibus agris optimo*: 1. 7). А хорошая местность – это здоровое место (*locus saluber*: 1. 3; 14. 5), чему древние придавали большое значение, а позволить себе это мог не каждый.

В противоположность имению средних размеров у пригородного поместья было мало возможностей для демонстрации высокого статуса хозяина, поскольку значительную часть его занимал сад, где росли различные фруктовые деревья (7. 3) и цветы (8. 2).

Таким образом, в то время, когда Катон писал свое сочинение, гарантией и олицетворением высокого социального статуса римской элиты было расположенное, как правило, в центральных районах Италии поместье средних размеров, основанное на труде рабов. А пригородные владения знати, расположенные под стенами Рима по соседству с небольшими участками рядовых граждан и мало отличавшиеся от них по набору возделываемых культур, такой роли не играли³⁷.

Для таких владельцев Катон и дает в 7 и 8 главах краткие рекомендации по обустройству пригородного хозяйства. Он прежде всего рекомендует возделывать, как и в идеальном поместье, всякие сорта винограда (7. 1), хотя для хозяина, привыкшего считать каждый асс, наиболее выгодным представляется виноградный сад, где лозы вьются по деревьям (*arbustum*). И вообще надо подходить к данному вопросу разумно и выращивать все, что подходит (7. 1). В пригородном хозяйстве должен быть фруктовый сад, где растут яблони, груши нескольких сортов, гранаты, столовые сорта айвы (7. 3) и смоковницы нескольких видов (8. 1). Маслины хорошо иметь двух сортов – для засолки и потребления в свежем виде (7. 4), и несколько видов орехов, в том числе и миндаль (8.2). Впрочем, по поводу рекомендации миндаля Х. Дор выразил недоумение, поскольку в те времена этот сорт орехов был практически не известен римлянам³⁸. Здесь же Катон дает советы, как обработать плоды для длительного хранения. Кроме того, он рекомендует выращивать в пригородном саду и разнообразные цветы для венков, свадебный и другие сорта мирта, лавр и мегарский лук (8. 2). В этом перечислении обращают на себя внимание прежде всего два момента: во-первых, многообразие видов садовых

³⁶ Кузицин 1966, 64–65.

³⁷ Современные авторы (Кузицин 1973, 133–139; Maróti 1985, 44; White 1970, 49) отмечают удивительно высокую доходность пригородного хозяйства, но тем не менее размер прибыли не делал это поместье в глазах Катона идеальным для *vir bonus*.

³⁸ Dohr 1965, 69.

культур, а во-вторых, то, как смело автор рекомендует возделывать новые растения (лоза, вьющаяся по дереву, миндаль), которые были в новинку для римских земледельцев, но могли принести хозяину большую пользу.

Перечень всех этих плодов, выращенных для продажи в спелом виде, переработанных или заготовленных впрок для продажи, к которым добавлены заодно еще и дрова (7. 1), показывает, что перечисленными оказались товары, способные значительно разнообразить стол различных слоев городских жителей, как в будни, так и в праздники, а также то, без чего нельзя было обойтись во время семейных и общественных празднеств. В трактате Катон в 7 и 8 главах как раз и дал совет домовладыке, уже имеющему поместье среднего размера и знакомому с практикой его обработки, как следует возделывать еще и садовый участок, непосредственно примыкавший к городу или даже находившийся на его окраине, и чему там отдать предпочтение. Ведь нехитрый набор овощей на крестьянском участке и без того издавна был хорошо известен каждому римскому земледельцу.

Все это показывает, что Катон рекомендует изобретательно подходить к решению проблемы выбора сельскохозяйственных культур, возделываемых на пригородном садовом участке, чтобы уйти от традиционно узкого набора культур в крестьянском хозяйстве. Поэтому и *sollertissimum* в главе 8. 2 в контексте всего вышеизложенного следует переводить как «наиболее искусно», т.е. иначе, чем это традиционно делалось в крестьянском хозяйстве, с учетом новых знаний и возможностей.

Однако несмотря на стремление ученого земледельца к новациям и попытке уйти от старых подходов при выборе культур в пригородном хозяйстве, Катон все же не в силах полностью порвать с крестьянским мировоззрением. Он бережно хранит и передает опыт крестьянина и неосознанно придерживается крестьянских способов ведения хозяйства. М.Е. Сергеенко, характеризуя автора трактата, подметил: «Сквозь неуклюжие и деловые строчки проглядывает облик старозаветного италийского хозяина»³⁹. Катон в духе крестьянской мудрости дает советы, как можно длительное время сохранять свежим виноград и как приготовить из него изюм (7. 1), как обработать для длительного хранения иные плоды и ягоды (груши, маслины, рябину), чтобы продукты не пропали и их можно было бы употреблять в пищу членам фамилии, а также вывозить на продажу уже после окончания сбора урожая, когда цены вырастут. Как уже отметил В.И. Кузицин, начало трактата с его антиростовщическими настроениями и прославлением хороших земледельцев, из которых выходят самые стойкие солдаты (*De agr. Praef.* 1–3), написано с позиции крестьянского идеала⁴⁰. Наиболее ярко крестьянская ментальность пробивается при описании характера экономической деятельности. В свое время Дж. Тибилетти, с которым полностью солидаризировался В.И. Кузицин, характеризуя крестьянские подходы к экономической деятельности ученого земледельца, отмечал, что у Катона отсутствует предпринимательская стратегия регулярного получения максимальной прибыли от земельной собственности. Его рекомендации по распродажам (2. 7; 7. 1) позволяют получить лишь небольшую компенсацию за инвестиции при создании поместья. И эти «патриархальные наставления... больше подходят к небольшому полю старого времени с его натуральным хозяйством, чем к имению в сотни югеров...»⁴¹. Это свидетельствует о противоречивости взгля-

³⁹ Сергеенко 1958, 25.

⁴⁰ Кузицин 1966, 61.

⁴¹ Цит. по: Кузицин 1966, 61.

дов Катона в период написания трактата. С одной стороны, он уже умеет считать прибыль и знает, как ее получить наилучшим образом. Однако, с другой стороны, он – носитель гражданских ценностей, основанных на *mos maiorum*, с отношением к земле как статусной ценности. Эту черту Катона, нашедшую отражение на страницах трактата, кратко и точно обозначил В.И. Кузищин: «Во многих его советах сквозит скорее узкий крестьянский экономизм, чем трезвый деловой расчет крупного хозяина»⁴². Катону еще далеко до предприимчивых владельцев поместий, появившихся в следующем столетии и создавших в своих земельных владениях высокодоходные предприятия, ориентированные на городской рынок и регулярно приносившие высокую прибыль домовладыке.

Варрон, завершивший свой трактат во второй половине I в. до н.э. и посвятивший пригородному хозяйству всю III книгу, описывает, на первый взгляд, такое же хозяйство. Упомянутые в ней поместья, как правило, расположены, как и у Катона, под Римом. Как показал Э. Чамплин, термин *suburbium* – «пригород», который весьма редко употребляется античными авторами, весьма мало связан с географическими представлениями. Но он широко используется как прилагательное к земельным владениям – *suburbana (villa)*, *suburbanus (praedium)*, *suburbanus (ager)* – и является понятием с узким значением, тесно связанным с римской элитой⁴³. Пригородные поместья римской знати свое распространение получили в основном на территории Римской Кампании, которая представляла собой довольно однородный и компактный регион, ограниченный *Monti Sabatini*, *Sabini* и *Tiburtini*, а также *Colli Albani* и морем⁴⁴. Там располагались *Saxa Rubra*, *Fidenae*, *Nomentum*, *Feculia*, *Tibur*, *Gabii*, *Preneste*, *Tuskulum*, *Bovillae*, *Aricia*, *Velitrae*, *Lanuvium* и *Lavinium*, а также *ager Pomptinus* и *Antium*⁴⁵. Но в это время пригородные поместья были уже и за пределами этой зоны. Варрон в III книге сообщает о садках для дорогих пород рыб, которые были устроены под ПUTEОЛАМИ и Неаполем (RR. III. 17. 5; 9). И вообще они могли находиться вне Италии (Mart. V. 35. 1–3; Apul. Apol. 87. 4). Эти примеры указывают, что под понятие пригородного поместья у античных авторов подпадают не только владения под Римом, но и хозяйства, имеющие схожий с ними набор отраслей или приносящие высокий доход⁴⁶. Но несмотря на появление этих отличий, возможность получения главой фамилии в *suburbanum* максимально высокого дохода остается одной из основных черт, характеризующих привлекательность пригородного имения.

Однако за время, прошедшее между написанием двух рассматриваемых сочинений, в структуре и деятельности пригородных поместий произошли значительные изменения. Перед нами предстает уже иной, по сравнению с эпохой Катона, хозяйственный организм. Эту перемену отмечает сам Варрон, указывая, что первоначально при разведении живности в усадьбе царил старинная умеренность (*frugalitas antiqua*), которую затем потеснила страсть к роскоши (*luxuria posterior* – III. 3. 6).

Правда, Варрон, который был хорошо знаком с катоновским трактатом, вторя ему, по-прежнему рекомендовал заниматься в пригородных поместьях выращива-

⁴² Кузищин 1966, 61.

⁴³ Champlin 1985, 97. Рассматривая термины, связанные с пригородом, автор отмечает, что абстрактное понятие *suburbium* использовали только Цицерон (Phil. 12. 24) и Ювенал (Schol. ad Iuv. 4. 7).

⁴⁴ Morley 1996, 83.

⁴⁵ Champlin 1985, 78, 111, nt. 6 (подробное перечисление источников).

⁴⁶ Kolendo 1994, 59–60.

нием цветов (фиалок и роз) и многого другого, что находит сбыт в Риме (I. 16. 3). Вероятно, под «*item multa*», как уже отмечали историки⁴⁷, писатель подразумевал частично и те продукты, которые советовал выращивать Катон: виноград, маслины, фрукты, орехи, мирт и т.п. Ведь вся эта продукция издавна пользовалась постоянным спросом у горожан, и было бы неразумно отказываться от нее. Однако ориентация на невзыскательный вкус отошла на задний план. Пригородные хозяйства в I в. до н.э. переориентировались на изысканные вкусы знати (*palatum suave domini* – Varr. RR. III. 3. 7) и претерпели значительные изменения. Ведущее место заняли новые отрасли, которыми ранее или не занимались вовсе, или они получили новые масштабы развития. Этим новым направлениям хозяйства посвящена вся III книга трактата.

Принципиально новым стало разведение различной живности владельцами пригородных поместий непосредственно в хозяйской усадьбе (*villatica pastiones*). Как подметила М.Е. Сергеенко, весь контекст трактата Варрона свидетельствует о том, что такая форма ведения приусадебного хозяйства возникла как раз во время жизни автора сочинения – не ранее середины I в. до н.э.⁴⁸ И ученый земледелец спешит познакомить владельцев имений с рациональной организацией производства в *suburbana*. Со свойственной ему склонностью к систематизации всего и вся⁴⁹ он отмечает, что хозяйство при усадьбе под городом включает три отдела – птичник, парк и рыбные садки, каждый из которых распадается, самое меньшее, на две части. Однако в этих трех отделах с шестью частями, требующих специалистов трех видов⁵⁰, не находится места ни для огородничества, ни для выращивания цветов, о которых даже не упоминается, и это служит одним из косвенных свидетельств, что в поместьях знати они стали играть заметно меньшую роль. В организации новых форм хозяйствования римские землевладельцы пошли на выучку к пунийцам и грекам, писавшим на эту тему. Успешное применение на практике рекомендаций заморских учителей позволило некоторым домовладыкам неожиданно для многих получать только от приусадебного хозяйства дохода больше, чем давали все другие отрасли в поместье. Так, в имении Л. Абукция земля, по всей видимости, с традиционным со времени Катона набором возделываемых культур давала только 10 000 сестерциев, а усадьба с живностью – в два раза больше. Но еще больше преуспел богатый всадник Сей: в поместье под Остией он только от разведения в усадьбе птицы, рыбы и животных получал ежегодно свыше 50 000 сестерциев, что значительно превышало доход многих других от целого имения (RR. III. 2. 13–14).

Описание отраслей в пригородном поместье Варрон начинает с птичника, устройство которого к этому времени кардинально изменилось, и он стал способен приносить «огромные доходы». Новации коснулись не только способов разведения пернатых, но и обозначений возводимых для них сооружений: их стали называть на греческий манер *ornithones*. По образному выражению автора, по своим размерам они теперь стали больше усадеб предков (*ut tecta maiora habeant, quam tum*

⁴⁷ Кузищин 1973, 134; Dohr 1965, 69–71.

⁴⁸ Сергеенко 1958, 152–153. Появление *pastio villatica* этим временем датировал и Плиний (NH. 9. 168–174).

⁴⁹ См. Marcone 1997, 23.

⁵⁰ Varr. RR. III. 3. 1: *Eius disciplinae genera sunt tria: ornithones, leporaria, piscinae...* (3) *Harum rerum singula genera minimum in binas species dividi possunt...* (4) *De his sex partibus ad ista tria genera item tria genera artificum paranda.*

habebant totas villas – III. 3. 7). То же самое произошло с загонами для диких зверей и садками для рыбы, размеры которых увеличились в несколько раз.

Изменился и набор живности. Во времена Катона во дворе гуляли куры, на крыше гнездились голуби, а в парке можно было поймать зайчишку (Varr. RR. III. 3. 6–8). Теперь откармливают огромные стаи новых видов птиц: дроздов, павлинов, горлиц, гусей и уток, а для традиционных кур и голубей выстраивают отдельные сооружения. Увлечлись выгодным разведением пчел, улиток и соней, а загоны для дичи превратились в настоящие зверинцы, кишачие всякой всячиной. В качестве примера в трактате несколько раз приводится хозяйство всадника Сея (III. 2. 7–14). У того в усадьбе содержались стада гусей, кур, голубей, журавлей, павлинов, были устроены пчельники. Посетители дивились множеству соней, дорогим сортам рыбы в садках и диким кабанам в загонах (III. 2. 13).

Помимо пресноводных искусственных водоемов, которые были известны уже во второй половине II в. до н.э.⁵¹, стали заводить садки с морской водой – их Варрон называет прудами знати (*maritimae piscinae nobilium*), сетуя, что устраивать пруды по всем правилам дорого, приобретать мальков ценных рыб дорого и так же дорого обходится содержание рыбного хозяйства и приобретение корма (III. 17. 2). В качестве примера он упоминает большие пруды знаменитого оратора Квинта Гортензия: на одно их сооружение тот потратил огромные суммы, а чтобы прокормить содержащихся там рыб, держал множество рыбаков из состава рабской фамилии, которые вылавливали в море кучу мелкой рыбешки (III. 17. 6). И вообще о питании рыб и их здоровье Гортензий заботился больше, чем о своих рабах (*ibid.* 8). А Луций Лукулл для садков с морской водой прорыл под горой возле Неаполя канал, чтобы в его прудах благодаря приливам и отливам создавалось течение и вода не застаивалась (*ibid.* 9), потратив на эти земляные работы больше, чем на постройку всей усадьбы и заслужив от Помпея прозвище «Ксеркс в тоге»⁵². К прудам же Марка Лукулла, брата Луция, Квинт Гортензий относился с презрением из-за того, что рыбы там жили в застоявшейся воде (*ibid.* 8).

В прудах таких хозяйств уже не было места обычным видам рыб, таких, как голавли или окуни, там разводили только дорогие виды, и прежде всего мурен на потребу изысканному вкусу гурманов. Варрон сообщает о конфузе, который произошел с известным богачом и скупцом Уммидием. Когда к нему на виллу в Казине заехал Филипп (вероятно, Л. Марций Филипп, консул 91 г. до н.э.)⁵³, то хозяин подал на обед прекрасного окуня из реки. Филипп, который сам владел знаменитейшими садками и отличался пристрастием к роскоши, попробовав угощение, выплюнул окуня со словами: «Чтоб я пропал! Я подумал, что это рыба!»⁵⁴

Изменения в составе отраслей пригородного хозяйства были обусловлены новой социально-политической обстановкой и ростом богатства элит, что влекло за собой изменение спроса. Представители римской знати буквально соревновались между собой: кто богаче с диковинными и изысканными блюдами обставит обычный обед, а на устройство пышных пиров, чтобы поразить приглашенных, тратились баснословные суммы. Особенно в этом преуспел Лукулл, снискавший на этом поприще сомнительную славу (Plut. Lucul. 40). Кроме того, бурная политическая жизнь Поздней республики, связанная с борьбой кандидатов за высшие магист-

⁵¹ *Gell.* II. 20. 6.

⁵² *Plin.* NH. IX. 170.

⁵³ *Varr.* RR. III. 3. 9; ср. *Col.* VIII. 16. 3, а также *Plin.* NH. IX. 170.

⁵⁴ Перевод М.Е. Сергеевко (1963, 194–195).

ратуры и стремлением завоевать симпатии граждан и их поддержку на выборах, приводила в этот период к организации многочисленных публичных угощений для жителей Рима, где потреблялось огромное количество продуктов. В этом же ряду стояли частые обеды различных коллегий. Еще более пышными были угощения полководцев во время триумфов⁵⁵.

Для удовлетворения таких обширных запросов нужны были уже крупные специализированные хозяйства наподобие птичника с 5 000 пернатых, продажа которых только на одно публичное мероприятие сразу принесла хозяину баснословный доход в 60 000 сестерциев (*Varr. RR. III. 5. 8*). Известен случай, произошедший при подготовке пиршества, которое устраивал Цезарь по поводу своего триумфа. Полководец обратился за приобретением рыбы к Гирру, занимавшемуся разведением мурен в садках с морской водой. О размерах его рыбного хозяйства свидетельствовало уже то, что, получая с построек вокруг прудов 12 000 сестерциев арендной платы (*merces*), он все их тратил на корм для рыб. Продавать рыбу Гирр отказался и лишь одолжил триумфатору на вес две тысячи мурен, с тем чтобы получить обратно столько же их по весу⁵⁶. Наличие такого огромного количества деликатесной рыбы позволило ему впоследствии продать свое прославившееся имение за четыре миллиона сестерциев (*III. 17. 3*).

Приведенные факты указывают, что пригородные поместья прежде всего ориентировались на изысканные вкусы аристократии. Удовлетворение же повседневного спроса простых жителей города Рима в значительной мере обеспечивалось продукцией, выращенной в крестьянских хозяйствах⁵⁷. Вергилий описывает, как крестьянин везет в город недорогие продукты со своего участка⁵⁸. А на обед беднякам вылавливают неводом рыбу, которую богачи уже не употребляют в пищу, а лишь используют в прудах как корм для более дорогих видов (*Varr. RR. III. 17. 7*).

Новые возможности массового сбыта домашней живности позволяли получать баснословную прибыль даже с одной усадьбы. Варрон приводит в трактате множество примеров высоких доходов в этой сфере. Упомянутый уже Сей ежегодно получал от усадьбы с живностью более 50 тыс. дохода. А когда Варрон сообщил, что его тетка, располагавшая имением в 24 милях от Рима, продав из своего птичника 5 тыс. дроздов по три денария за штуку, получила 60 тыс. сестерциев, что было в два раза больше, чем обычно давало отлаженное 200-югерное поместье, то слушавший его Аксий, хозяин как раз такого поместья, не мог поверить этим словам (*III. 2. 14–15*).

Большой доход можно было получить даже от рыбного хозяйства, требовавшего немалых затрат (*III. 17. 2*). Интересен такой эпизод: когда Катон Утический стал опекуном сына Луция Лукулла (как его дядя по матери) и начал приводить в порядок финансовые дела фамилии племянника, он продал из прудов подопечного

⁵⁵ *Varr. RR. III. 2. 16*: ...*Quotus quisque enim est annus, quo non videas epulum aut triumphum aut collegia non epulari? Sed propter luxuriam, inquit, quodam modo epulum cotidianum est intra ianuas Romae; cp. III. 5. 8.*

⁵⁶ *Varr. RR. III. 17. 3*. В более подробном рассказе об этом эпизоде у Плиния фигурирует уже 6000 мурен, одолженных по весу (*Plin. NH. IX. 171*).

⁵⁷ Интересные подсчеты размеров городского спроса на сельскохозяйственную продукцию в период Средней и Поздней республики в контексте отношения знати к земледелию см. в статье: *Rosenstein 2008*.

⁵⁸ *Verg. Georg. I. 273–274*: *saepe oleo tardi costas agitator aselli / uilibus aut onerat pomis* – «Часто тогда селянин ленивца-осла погоняет, / Маслом его нагрузив и всяким добром огородным» (пер. С. Шервинского).

рыбы на 40 тыс. сестерциев (III. 2. 17). Благодаря этим действиям он получил значительную прибыль и в то же время освободил хозяйство от расходов на корм для рыб и содержание прислуги, присматривавшей за садками.

По-видимому, 60 тыс. сестерциев, которые неоднократно фигурируют в трактате Варрона (III. 2. 15; 5. 8; 6. 1; 6. 6), представляли собой максимально возможный уровень годового дохода от *villaticae pastiones*. Такую сумму получали не только от продажи дроздов, которые сделали птичник синонимом дохода, но и, как М. Авфидий Луркон, от поставленной на широкую ногу торговли павлинами (III. 6. 1). Появившаяся у римских гурманов мода на павлинье жаркое сразу взвинтила на них цену. Ни одна птица не могла сравниться с ними по доходности: за павлина на рынке стали давать по 50 денариев, а одно яйцо стоило 5 денариев (III. 6. 3; 6. 6). Во времена Варрона получение дохода порядка 40–60 тыс. сестерциев от стаи в сотню голов стало нормой (III. 6. 6). Вряд ли больше получали от самых плодовых птиц – голубей, хотя уже пара таких красавцев на рынке стоила 200 сестерциев, столько же, сколько и павлин. А за голубей особо редких пород платили и по 1000 сестерциев за штуку (III. 7. 10).

Однако для крупных землевладельцев получение денег и регулярный выход на рынок не были самоцелью. Доходы от поместий были жизненно необходимы римской элите для поддержания ее высокого статуса. Поэтому при классификации и характеристике имений вряд ли стоит принимать за главный критерий именно их доходность. Ведь, как в свое время отметила Е.М. Штаерман, описание товарно-денежных отношений и рынка мало что дает для понимания сущности античного Рима, развития экономики и ее перехода от одной формы к другой⁵⁹. Но даже если рассматривать пригородное поместье, описанное Варроном, с позиций товарно-денежных отношений, то по набору отраслей, целям производства, по формам и объему поставок товаров на рынок, а также по уровню получаемого дохода, т.е. по принципам организации и функционирования фамильного хозяйства в сельском имении, очевидно, что *suburbanum I* в. до н.э. принадлежит иному типу хозяйства знатной римской фамилии⁶⁰, нежели катоновское пригородное имение, деятельность которого строилась скорее на принципах крестьянского подхода к производству и сбыту (дождаться выгодной конъюнктуры и выбросить на рынок то, что сохранилось для продажи)⁶¹.

Впрочем, этим не исчерпывается инаковость пригородного поместья Варрона как части хозяйства фамилии. В свое время Г.С. Кнабе подчеркивал, как важно учитывать влияние на экономическую деятельность политических, идеологических, повседневно-бытовых сфер древнего Рима, а также господствовавших в то время духовных ценностей⁶². Эта взаимозависимость напрямую прослеживается в организации жизни рассматриваемого нами хозяйственного организма.

⁵⁹ Штаерман 1978, 108.

⁶⁰ Характеризуя основные сферы италийского сельскохозяйственного производства, К. Николе наряду с выращиванием зерновых, возделыванием винограда, оливы и фруктовых деревьев и животноводством выделяет *pastio villatica* Варрона в отдельное, четвертое направление, которое стало по-настоящему развиваться только в I в. до н.э. (Nicolet 1988, 60–65).

⁶¹ В свое время один из первых комментаторов трактата подчеркивал, что «ряд глав рисует Катона скаредным крестьянином» (Бурский 1937, 20). Ср. Сергеенко 1958, 25; Кузицин 1966, 61.

⁶² Кнабе 1988, 12. О тесном переплетении экономики и политики см. Кузицин, Штаерман 1989, 45, 52.

Как известно, в эпоху Варрона важной формой времяпрепровождения римской знати стал *otium*. Этот непереводаемый термин в античной литературе в зависимости от эпохи имеет различные значения⁶³. Но во времена Варрона и Цицерона он приобрел характеристику особого ценностного состояния, наиболее законченное определение которому дал Г.С. Кнабе. В понятии *otium* для римлян соединялось «удовлетворение выполненной жизненной задачей; отдых от дел, войны или общественных обязанностей; досуг, отданный творчеству, беседе и размышлениям; наслаждение красотой благоустроенной природы и произведений искусства»⁶⁴. И такой форме времяпрепровождения римская элита посвящала весьма значительную часть времени. Именно с этого слова начинается трактат Варрона (*Otium si essem consecutus... – RR. I. 1. 1*), и хотя автор провозглашает его практическую направленность, – три книги призваны служить руководством (*tres libri indices*) для его жены Фундании, купившей имение и желающей сделать его доходным (*I. 1. 2; 4*), все же та сторона жизни, которая связана с новой формой проведения досуга, то и дело прорывается на страницы сочинения. Так, ученая беседа у Варрона начинается в свободное от трудов время, и он называет *otiosos* своих будущих собеседников, собравшихся в храме в праздник сева (*I. 2. 1*). Это понятие встречается и у других авторов I в. до н.э., например у Катуллы в стихотворении, где он вспоминает, как накануне забавлялся писанием стихов с другом Лицинием⁶⁵. Цицерон в письме Папирию Пету сообщает, что получил его письмо именно в тот момент, когда был *otiosus*, отослав учеников и высвободив время для написания изящного ответного послания (*Fam. IX. 18*).

Как было замечено, Цицерон употребляет здесь слово *otiosus*, чтобы обозначить социальное время, в рамках которого собеседники вовлекаются в разговор, а тот должен превратиться в написанный текст. В целом в текстах периода Поздней республики это слово подсказывает читателю, что ему следует сфокусировать внимание на том, что автор хочет сообщить ниже⁶⁶. Римская литература, начиная с Катуллы, стала воспринимать *otium* как время для письма, для литературных занятий и начала вырабатывать свой язык досуга⁶⁷.

Но помимо языка, интеллектуальной элите Поздней республики необходимо было располагать достойным и удобным для неформального общения местом. У Кнабе местом для *otium* зажиточных римлян предстает городской особняк, *domus*⁶⁸. Однако теснота, являвшаяся неотъемлемой чертой жизни античного Рима, оставляла в городе мало места для отдыха и уединения⁶⁹. И римская элита, как показывают литературные источники этого времени, нашла другое, более подходящее место для проведения отдыха и трудам в досуге с достоинством (*otium cum dignitate*)⁷⁰.

Письма и диалоги Цицерона показывают, что проведение досуга теснейшим образом связано с загородными виллами. Появились отдельные места, как Тус-

⁶³ Понятие *otium* в зависимости от контекста и исторических условий могло приобретать разнообразие значения и оттенки (см. Межеричкий 1988, 42–45). Этому посвящена специальная монография: André 1966.

⁶⁴ Кнабе 1986, 38.

⁶⁵ *Catul.* 50. 1–3: *Hesterno, Licini, die otiosi / multum lusimus in tuis tabellis, / ut convenerat esse delicatos...*

⁶⁶ Stroup 2010, 47.

⁶⁷ Гаспаров 1986, 177.

⁶⁸ Кнабе 1986, 38–45.

⁶⁹ Кнабе 1986, 153–162.

⁷⁰ *Cic. De orat. I. Praef. 1.*

кул, где римляне, принадлежащие к элите, предпочитали проводить свое время и встречаться с друзьями. Там имели виллы Цицерон, Гортензий, Варрон, Лукулл, а несколько ранее по соседству друг с другом проводили свободное время Кв. Муций Сцевола, Л. Лициний Красс и М. Эмилий Скавр⁷¹. И именно *otium* оказал непосредственное влияние на обустройство пригородных поместий. Как отмечал Колумелла, гражданский долг призывает нас на форум. А после завершения всех дел (*post negotio fori*: Colum. I. 1. 19) приятно отправиться в пригородное поместье. Там *pater familias* отдыхал от политических забот и хозяйственных дел и в свободное время с пользой и удовольствием проводил приятные минуты в занятиях интеллектуальным творчеством и общении с друзьями. И хотя эти строки принадлежат автору, жившему уже в эпоху Принципата, его высказывание вполне подходит и для бурного времени конца Республики. Н. Морли, комментируя этот пассаж Колумеллы, тонко подметил, что *suburbanum* превратился в придаток политической жизни Рима⁷². Хотя точнее было бы сказать: в придаток многогранной и бурной деятельности римской элиты на форуме. Упомянутые в литературных источниках пригородные поместья, где авторы проводили *otium*, располагались на востоке Римской Кампаньи, в легкой досягаемости от Рима: Тибур, Пренесте, Тускул⁷³. Красивый ландшафт, плодородные почвы и здоровый климат (который так заботил римскую элиту) создавали прекрасные условия для удобного времяпрепровождения.

Такому образу жизни следовал и Варрон. В своем трактате о сельском хозяйстве он подчеркивал, что земледельцы в своей деятельности стремятся к двум целям: к пользе (*utilitas*) и к удовольствию (*voluptas*). Польза требует получения дохода, а удовольствие – того, что дарит приятное времяпрепровождение⁷⁴. Вторя Катону, он напрямую связывает пользу и плодородие со здоровым местом (I. 2. 4), которое позволяет получить верный доход (I. 4. 3). Там, где нет здоровых условий жизни (*salubritas*)⁷⁵, занятие хозяйством превращается в рискованное дело и оказывается поставлена на кон жизнь хозяина и его имущество (*res familiaris*: I. 4. 3). При обустройстве пригородного имения он учел эти обстоятельства.

Поиск пространства для *otium* прямо сказался на том, как сам Варрон по-новому устроил птичник в имении под Казином, чтобы оно могло служить и для услады души⁷⁶. По единодушной оценке друзей, это поместье получилось на редкость привлекательным, и все посещавшие его вместе с хозяином любовались и птицами, и самим сооружением. При этом говорили, что Варрон превзошел не только изобретателя подобных птичников, своего современника М. Ления Страбона⁷⁷, у которого пойманные птицы содержались в одной из беседок, но и знаменитого богача Лукулла (RR. III. 4. 2; 5. 8). Лукулл вознамерился в своем Тускуланском поместье соединить воедино предприятие, приносящее большой доход, с местом

⁷¹ Griffin 1994, 694–695.

⁷² Morley 1996, 91.

⁷³ Champlin 1982, 101.

⁷⁴ *Varr.* I. 4. 1: *hinc profecti agricolae ad duas metas dirigere debent, ad utilitatem et voluptatem. utilitas quaerit fructum, voluptas delectationem.*

⁷⁵ Помимо *salubritas*, наличие которой так заботило и Катона, пригород дарует еще красоту (*amoenitas*) и *otium* (см. Champlin 1982, 100; Morley 1996, 91), но у Катона о них нет ни слова.

⁷⁶ *Varr.* RR. III. 5. 8: *animi causa constitutus*; об этом же птичнике, устроенном ради удовольствия (*delectationis causa*), упоминалось чуть выше: *ibid.* III. 4. 2.

⁷⁷ О нем же см. *Plin.* NH. X. 141.

для душевного удовольствия и разместил под одной крышей птичник и триклиний, надеясь наслаждаться во время обеда созерцанием порхающих птиц. Однако вместо этого пирующим пришлось вдыхать запах птичьего помета (*ibid.* III. 4. 3).

Варрону же удалось искусно вписать птичники в ландшафт своего поместья. По берегам протекавшей через усадьбу речки были проложены дорожки для прогулок, по мосткам можно было перейти из одной части имения в другую, а также попасть на небольшой остров и место, посвященное музам. Вдоль одной из дорожек, ведущей от реки в рошу, с двух сторон были устроены портики, через которые открывался путь к ротонде. Там и находился птичник. Варрон запустил птиц под портики, натянув сети между колоннами, а в ротонде с небольшим бассейном и островком находились гнезда для уток. В эту окруженную ветвистыми деревьями беседку, где устраивались ученые пиры, хозяин с гостями добирался, любуясь по пути порхающими под колоннадами стаями птиц. В самой беседке, развлекая пирующих, мимо лож выходили поплавать в бассейн утки⁷⁸, а в воде плескались рыбки. Чтобы поразить гостей и получить максимальное удовольствие от ученой беседы, Варрон придумал ряд диковинных устройств: в ротонде был устроен вращающийся стол, которым легко управлял один раб; под куполом звезда на сфере, описывая круг, показывала время суток, а стрелка на оси с обозначением семи ветров, указывала направление дующего ветра (*RR.* III. 5. 9–17)⁷⁹.

При Варроне преобразование пригородного поместья в пространство для *otium* делало еще только первые шаги, но вскоре приобрело массовый характер. Как показали исследования археологов, в период с конца I в. до н.э. до середины I в. н.э. активно осваивались многие области Италии. И если во внутренних районах возникали типичные сельские виллы (*villae rusticae*), то на побережье римская политическая элита повсеместно строила виллы для *otium*⁸⁰, тратя средства на украшение и обустройство пространства для «досуга с достоинством», что значительно ограничивало возможности извлечения максимально возможного дохода.

В противоположность стремящимся к демонстрации своего статуса представителям элиты всадники не тратились на обременительную роскошь. У всадника Сея в высокодоходном поместье усадьба была скромная, без украшений, картин и статуй. Не было там ни оливкового сада, ни виноградника, отсутствовало традиционное оборудование для производства вина и масла (*Varr. RR.* III. 2. 8). Но зато были многочисленные стаи гусей, голубей и других птиц, множество рыбы, стада кабанов и прочей дичи (III. 2. 14), которые и приносили огромный доход. Таков же был и преуспевающий в финансовых делах всадник Аттик: у него не было ни парков, ни пригородных имений, ни дорогих вилл на морском побережье, строил он весьма умеренно и не стремился к роскоши (*Nep. Att.* 13, 14). Огромный доход в 60 тыс. сестерциев получала тетка Варрона. Однако, как отметил Е. Колендо, там же, где говорится о разведении птицы, дичи или рыбы во владениях римской элиты, как в поместье Варрона в Тускуле, которое перешло к нему от Пизона, или о вилле Кв. Гортензия в окрестностях Лаврента, Варрон не упоминает о доходе, но описывает эти места как привлекательные для отдыха с друзьями⁸¹. В этом – одна

⁷⁸ М.Е. Сергеенко отметила, что разведение уток (в отличие от других видов птиц) не имело никакой экономической ценности в древнем Риме, а отражало моду в среде знати, пытавшейся у себя воссоздать нечто подобное египетскому пейзажу (Сergeenko 1955, 37).

⁷⁹ Подробнее о реконструкции плана и внешнего вида птичника Варрона см. Сергеенко 1963, 196–199.

⁸⁰ Tchernia 1986, 161.

⁸¹ Kolendo 1994, 63–64.

из важнейших отличительных черт пригородных имений римской элиты рассматриваемого периода. Именно поиск максимального удовольствия во время трудов на досуге привел к угасанию моды на жаркое из павлинов и к превращению этой красивой птицы в предмет эстетического любования. Марциал несомненно выражал мнение многих, когда осуждал тех, кто мог столь красивую птицу отсылать под нож повара (XIII. 70). Такую же оценку дает и Гораций, называя жаркое из павлина бессмысленной роскошью (Sat. I. 2.116; II. 2. 23). По мнению М.Е. Сергеенко, к середине I в. н.э. павлин из доходной статьи стал превращаться в предмет эстетического созерцания⁸².

Таким образом, рассмотренный материал показывает, что пригородные владения римской знати за полтора столетия своего существования значительно преобразились и приобрели новые черты⁸³. Во времена Варрона *suburbanum* предстает новым типом поместья, которое с катоновским роднит только одинаковое месторасположение. Различия проявились и в хозяйственной сфере, и в форме времяпрепровождения хозяина в имении. Поиски более высокого дохода, которым *pater familias* посвящал свои *negotia*, привели к возникновению нового направления сельскохозяйственного производства с высокой товарностью – *rustio villatica*. Кроме того, пригородная вилла в I в. до н.э. стала для римской элиты излюбленным местом проведения *otium*, организация которого делала проблематичным извлечение максимально высокого дохода. В целом *suburbanum*, как и все имущество домовладыки, следует классифицировать прежде всего с точки зрения служения его высокому социальному статусу. И именно пригородное поместье в данный период времени предстает как та часть собственности фамилии, которая и изысканным убранством усадьбы, и возможностью получения максимально высокого дохода наиболее полно обеспечивала поддержание и демонстрацию высокого статуса римской знати, предоставляя место для проведения трудов в досуге.

Литература

1. Бурский М.И. 1937: Введение // Катон, Варрон, Колумелла, Плиний о сельском хозяйстве / М.И. Бурский (ред., введ. ст.). М.–Л. (перепеч.: Рязань, 2009), 5–116.
2. Гаспаров М.Л. 1986: Поэзия Катутла // Гай Валерий Катутл Веронский. Книга стихотворений / Пер. С.В. Шервинского. М., 155–207.
3. Катон 1950: Марк Порций Катон. Земледелие / Пер. и комм. М.Е. Сергеенко. М.–Л.
4. Квашиин В.А. 2006: Законы о роскоши в древнем Риме эпохи Пунических войн. Вологда.
5. Кнабе Г.С. 1986: Древний Рим – история и повседневность. М.
6. Кнабе Г.С. 1988: История. Быт. Античность // Быт и история в античности / Г.С. Кнабе (отв. ред.). М., 6–17.
7. Кузицин В.И. 1966: О датировке катоновского «Земледелия» // ВДИ. 2, 54–67.
8. Кузицин В.И. 1973: Римское рабовладельческое поместье II в. до н.э. – I в. н.э. М.
9. Кузицин В.И., Штаерман Е.М. 1989: Экономика и политика в античном обществе // Вопросы истории. 8, 39–53.
10. Ляпустин Б.С. 1991: Экономическое развитие древнего Рима в свете закона Оппия о роскоши // Из истории античного общества. Нижний Новгород, 50–62.
11. Ляпустин Б.С. 2011: Экономические воззрения и повседневная хозяйственная деятельность Катона Старшего // Вестник РГУ. Серия «Исторические науки». 14(76)/11, 170–177.

⁸² Сергеенко 1963, 201.

⁸³ О датировке катоновского «Земледелия» см. выше. Варрон начал писать свой трактат, когда ему было 80 лет (RR. I. 1. 1; Сергеенко 1963, 5), и на этом основании его публикацию датируют 37 г. до н.э. (Griffin 1994, 701; Marcone 1997, 22).

12. *Межеричук* Я.Ю. 1988: *Iners otium* // Быт и история в античности / Г.С. Кнабе (отв. ред.). М., 41–68.
13. *Сергеенко* М.Е. 1950: Комментарии // *Марк Порций Катон*. Земледелие / Пер. и комм. М.Е. Сергеенко. М.–Л.
14. *Сергеенко* М.Е. 1955: Сельское хозяйство италийских *suburbana* // ВДИ. 1, 31–38.
15. *Сергеенко* М.Е. 1958: Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.–Л.
16. *Сергеенко* М.Е. 1963: Варрон и его «Сельское хозяйство» // *Варрон*. Сельское хозяйство / Пер. с латин., комм. и вступит. ст. М.Е. Сергеенко. М.–Л., 3–22, 129–217.
17. *Сергеенко* М.Е. 1970: Ученые земледельцы древней Италии. Л.
18. *Сергеенко* М.Е. 1976: Из заметок о Катоне // ВДИ. 3, 154–159.
19. *Штаерман* Е.М. 1978: Древний Рим: проблемы экономического развития. М.
20. *Штаерман* Е.М. 1987: Экономическая история Рима (Проблемы и методы) // Экономическая история. Проблемы и исследования / Ю.Н. Розалиев (ред.) М., 32–48.
21. *André J.* 1966: *L'otium dans la vie morale et intellectuelle romaine*. P.
22. *Carandini A.* 1988 : *Schiavi in Italia. Gli strumenti pensanti dei Romani fra tarda Repubblica e medio Impero*. Roma.
23. *Champlin E.* 1982: The *suburbium* of Rome // *American Journal of Ancient History*. 7. 2, 97–117.
24. *Dohr H.* 1965: Die italischen Gutshöfe nach den Schriften Catos und Varros. Köln.
25. *Griffin M.* 1994: Ch. 18. The Intellectual Developments of the Ciceronian Age // *The Cambridge Ancient History*. 2nd ed. Vol. IX. The Last Age of the Roman Republic, 146–43 B.C. / J.A. Crook, A. Lintott, E. Rawson (eds.). Cambr., 689–728.
26. *Kolendo J.* 1994: 'Praedia suburbana e loro redditività' // J. Carlsen, P. Ørsted, J.E. Skydsgaard (eds.). Landuse in the Roman Empire. Roma, 59–71.
27. *Marcone A.* 1997: *Storia dell'agricoltura romana. Dal mondo arcaico all'età imperiale*. Roma.
28. *Maróti E.* 1985: Die Probleme des *fundus suburbanus* bei Cato // *Thracia*. 7, 40.
29. *Morley N.D.G.* 1996: *Metropolis and Hinterland. The City of Rome and the Italian Economy, 200 B.C.–A.D. 200*. Cambr.
30. *Nicolet C.* 1988: *Rendre à César. Économie et société dans la Rome antique*. P.
31. *Olck* 1895: *Arbustum* // *RE. Hlbd* 3, 421–425.
32. *Rosenstein N.* 2008: Aristocrats and Agriculture in the Middle and Late Republic // *JRS*. 98, 1–26.
33. *Stroup S.C.* 2010: *Catullus, Cicero, and a Society of Patrons. The Generation of the Text*. Cambr.
34. *Tchernia A.* 1986: *Le vin de l'Italie romaine. Essai d'histoire économique d'après les amphores*. Rome (B.E.F.A.R. 261).
35. *Thielscher* 1963: *Des Marcus Cato Belehrung über die Landwirtschaft*. B.
36. *White K.D.* 1970: *Roman Farming*. L.

EVOLUTION OF SUBURBAN VILLA IN THE LATE REPUBLICAN TIME (AFTER CATO'S AND VARRO'S TREATISES)

B.S. Lyapustin

The author analyses the development of suburban villa from the early 2nd century BC to the later decades of the Roman republic. He points out that Cato's *suburbanum*, closely connected with the market, and the one described one and half century later by Varro have more differences than similarities. Though suburban villa producing goods for Rome was highly profitable, for Cato, who administered his estate according to the principles of economy and *mos maiorum*, suburban villa did not become a model farming unit. In Varro's time development of such a profitable branch of husbandry as poultry breeding (*pastio villatica*) made it possible to get high profits, as some members of the equestrian order proved. However, for the Roman élite *villa suburbana* became primarily the place for *otium cum dignitate* and a means to prove their high social status.

Keywords: Cato, Varro, Roman economy, *suburbanum*, *villaticae pastiones*, *hortus*, *otium*.